

Ивушкина Татьяна Александровна

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СВЕТСКОГО КОДА ОБЩЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 143-147. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Spinning wheel - a simple machine that people used in their homes in the past for twisting wool, etc. It has a large wheel operated with the foot. Основным элементом этого орудия труда является колесо, которое приводится в рабочее состояние движением ноги, отсюда берет название одно из направлений современного фитнеса **Spinning(спиннинг)** - a type of exercise performed on an exercise bike, usu. in a class. Также образ колеса лег в основу создания фразеологизма **fortune's wheel (the wheel of fortune)** - колесо фортуны, поворот судьбы. *They used to be such fine strong men! It's a case of the wheel of fortune.*

Следующее орудие труда **steam engine** имеет очень большое значение для развития промышленности не только в Великобритании, но и во всем мире. **Steam engine** - *the steam engine was first developed in Britain by James Watt in 1769. It brought great improvements in the making and movement of goods and played an important part in the industrial revolution.* С изобретением парового двигателя произошел крупный переворот в промышленности и жизни людей всего мира, появилась целая эпоха - **the steam age**. Это нашло свое отражение в английском языке, яркий образ парового двигателя, символа прогресса, силы, могущества стал основой для многих идиом; **Full speed/steam ahead** - with as much speed or energy as possible. We've got government approval, so now we can **go full steam ahead** with our plans.

Get up/pick up steam - to become gradually more powerful, active, etc.: His election campaign is beginning to get up steam; - to increase speed gradually.

Let off steam - to get rid of your energy, anger or strong emotions by doing sth active or noisy. I was so angry I **let off steam** by shouting at the dog. The children **are letting off steam** in the garden.

Run out of steam - to lose energy and enthusiasm and stop doing sth, or do it less well. He started off with great enthusiasm, but now he's beginning to **run out of steam**.

Get, etc. somewhere under your own steam - to go somewhere without help from other people. There wasn't room for me in their car, so I had to get there **under my own steam**.

В английском языке существует большое число фразеологизмов, в основе которых лежат образы орудий труда. Мы рассмотрели лишь некоторые концепты-орудия труда в английской лингвокультуре. Наименования орудий труда широко выступают не только в буквальных денотативно-сигнификативных значениях в целях прямой номинации, но и в переносных (символических) значениях для выражения социальных и культурных ценностей определенного народа. Выступая в переносных значениях наименования орудий труда, имеют большую коммуникативную значимость.

Исследование данного субкода английской лингвокультуры имеет важное значение для кросскультурной коммуникации.

Список литературы

1. **Лосев А. Ф.** Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
2. **Маркс К.** К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13.

УДК 81'271

Татьяна Александровна Ивушкина

Волгоградский государственный педагогический университет

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СВЕТСКОГО КОДА ОБЩЕНИЯ[©]

Любая культура представляет собой «совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества» [9, с. 56]. Культура представляет собой структуру, которая обладает как содержательной стороной информации, так и системой социальных кодов, которые «позволяют эту информацию выражать в определенных знаках и делать достоянием тех или иных человеческих коллективов» [Там же]. Эту систему социальных кодов можно прочесть, если знать код эпохи. Подход к изучению культуры и ее кодов представляется очень эффективным не только для историка культуры, но и для филолога, ибо он дает возможность увидеть очень сложный механизм развития языка как отражение культурных ценностей народа.

Светский код общения, который правомерно рассматривать как универсальный культурный код, входящий в иерархическую систему культурных кодов, сформировался во Франции в XVII веке, когда, по мнению Бенедетты Кравери, поменялось представление человека не столько об обществе, в котором он жил, сколько о самом себе и своем образе мышления, морали и идее счастья. "What changed primarily was not only man's conception of the society he lived but his perception of himself, his way of thinking and his sensibilities, his morality and his idea of happiness" [15, p. X]. Период Просвещения - основной код эпохи - строился на противопоставлении материального идеальному, «естественного» - «неестественному».

«Антитеза «естественного» - «неестественного» является синонимичной оппозиции: «вещь», «дело», «реалия» - «слова». «Словами» объявляются все социальные и культурные знаки» [9, с. 61]. Это был Век Разума и, одновременно, Золотой Век Утопии. Культивирование идеала эстетического совершенства, который закрепил за собой социальный знак «аристократизма», было, с одной стороны, доказательством жизнестойкости и преемственности традиций, а с другой - той утопической мечтой, которая как нельзя лучше отражала дух эпохи. Был создан некий островок, который помогал уйти от трудностей повседневной жизни в иллюзорный мир, где культивировалось моральное и эстетическое совершенство.

К этому идеалу человечество стремилось на протяжении многих веков, в Италии и Испании, и он нашел свое яркое воплощение в культуре общения высших классов и аристократического общества. Прежде всего, благодаря сложившимся политическим и экономическим условиям во Франции XVII в., которые дали возможность дворянству заявить о себе как о самостоятельном классе со своими интересами и ценностями и противопоставить себя королевскому двору, своим аморальным образом жизни вызывавшему все большее раздражение общества и в силу этого все более резкую критику. И, конечно, этому способствовала все возрастающая роль женщины в обществе, которая взяла на себя задачу разработать эталон межличностного общения. - “During the first decades of the seventeenth century, however, the significance of women in French society changed. They were no longer obliged to fight gradually for a questionable sphere of influence beyond the confines of domesticity, but took upon themselves the leadership of society” [15, p. 1]. Именно в это время женщины стали организаторами светских салонов и превратили Францию в центр по созданию «светского» кода общения. Это было искусство легкого и непринужденного общения, которое определяется как галантное, изысканное, шутовское и тонкое. Оно включало в себя также манеры, вкус, досуг и праздное времяпрепровождение (чтение, разговор, театр, искусство, игры и танцы). “It was a spectacular revolution, rich in consequences and destined to characterize French society until the end of the *ancient regime*” [Ibid., p. 11]

Это была «женская» революция с далеко идущими последствиями - она феминизировала общество, «смягчила» мужское общество своим образом жизни - женским досугом и праздностью, культивировала красоту и изящество в поведении и речи. По сути, была создана женская культура, которая включала в себя как внешние “involving both the body and the mind, both voice and gesture [Ibid., p. 17], так и внутренние качества человека, «высокие» понятия любви и дружбы (красиво воспеты еще в эпоху Возрождения). - In the new social reality, however, women were less prepared ...to remain in their passive roles, at least insofar as taste and entertainment were concerned. They wanted their visitors to write, to converse, and to invent rhymes - all in an unexpected, lighthearted, quick, brilliant, flirtatious fashion [Ibid., p. 20]. Если первый салон Madame de Longville «отрабатывал» внешние формы светского общения, то в последующих салонах - Marquise de Sablé, Madame de Sévigné, Madame de Lafayette, etc. - красивая внешняя оболочка стала наполняться и содержанием - интеллектом, образованностью, умением блистать знаниями в области политики, литературы и искусства, игривостью, оригинальностью и неповторимой индивидуальностью.

Итак, женская интуиция, чувствительность, понятия красоты и изящества, более тонкое понимание психологии человека явились бесценным вкладом в классовую культуру и необходимым дополнением к героическим и воинствующим качествам мужского мира. Женская культура имела огромное влияние на развитие культуры в целом, в самых разных ее проявлениях - с женским вкусом пришлось считаться писателям и литераторам, которые прибегли к новым литературным жанрам, больше отвечавшим требованиям и запросам благородных дам - романам, литературным портретам, афоризмам и письмам [4].

Франция быстро приобрела статус «светского» центра. Английские аристократы заимствовали у французов правила этикета и изысканные манеры, специально посещая светские салоны и активно участвуя в их жизни, а молодым аристократом после окончания престижных университетов для шлифовки манер предписывалась поездка во Францию. Россия в XVIII веке, в период реформ Петра 1, «вошла в Европу, как спущенный корабль, - при стуке топора и громе пушек» [11, с. 44]. Светский код общения проник и в русскую культуру и, по словам Ю. М. Лотмана, вызвал ее семиотическую переоценку, тем самым, создав «предпосылки для перехода в динамическое состояние» и «ускорению темпа развития культуры в целом» [7, с. 73].

Создание светского кода было достаточно продолжительным процессом, в ходе которого он получал новые признаки высокого вкуса и элитарности. Ключевым словом - понятием этого кода стало “*politesse*” - вежливость, учтивость. В первом издании Dictionnaire de l’Académie Française оно определяется как “...a positive form of verbal and non-verbal behavior, designed to discover, envisage, or imagine a certain individual or social excellence in another person, to save his face if that person either cannot or does not wish to excel in that sphere” [15, p. 378]. Светский код общения включал в себя также: “the art of badinage” - искусство шутовской и игривости, для легкого кокетливого ухаживания, ради забавы и развлечения [Ibid., p. 56]; *bienséance* - благопристойность: “never do anything that might displease anyone” [Ibid., p. 378]. Лорд Честерфилд, который специально отправился в Париж, чтобы узнать, что такое *bienséances*, позже объяснил своему сыну в письме от 13 июня 1751 года: “The *bienséances* are a most necessary part of the knowledge of the world. They consist in the relations of persons, things, time, and place; good sense points them out, good company perfects them (supposing always an attention and a desire to please), and good policy recommends them. Were you to converse with a king, you ought to be as easy and unembarrassed as with your own valet-de-chambre; but yet every look, word, and action, should imply the utmost respect” [Ibid., p. 379]. Письмо известного английского аристократа подчеркивает еще один признак благородного происхождения - «благопристойность», равное и достойное отношение к представителю любого класса общества.

«Светскость» включает в себя и такие абстрактные понятия, как “civilité” - вежливость; “honnêteté” - вежливость, учтивость; “misalliance” - неравный брак; “loisir” - праздность; “the Grand Monde” - светское общество; “esprit” - ум, остроумие; “galanterie” - галантность, с разными оттенками значения; “préciosité” - манерность, изысканность. А также слова, так или иначе связанные с излюбленными в аристократическом обществе темами любви и дружбы, заимствованными из произведений Петрарки. Век Просвещения был веком слова, и к этому следует добавить, что это был век абстрактного слова, ибо в центре обсуждения были темы личного счастья, философии, религии и политики. Абстрактные существительные также получили статус «высоких», ибо их использование в речи предполагало образованность и причастность к ценностям дворянского класса.

Введенные французами в сферу аристократического общения, они заимствовались представителями европейских аристократических слоев и либо использовались в своих первоначальных значениях, либо приобретали новые коннотации и смысловые нюансы.

Следует отметить в этой связи, что светский код общения имел разные формы своего проявления в других культурах. Заимствование «знаков» этого кода можно рассматривать как наиболее тонкое и завуалированное средство социальной характеристики говорящего, которое является, по сути, своеобразной культурной стилизацией, несущей информацию не только об особенностях речи его пользователя, но и его ценностях, образе жизни и мышления. Для современного читателя такая стилизация, хотя и понятна, все же требует определенного комментирования.

Художественная литература России и Англии подтверждает это. Например, в произведении Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича» находим описание главного героя и его жизни в следующем отрывке: «Иван Ильич был le phenix de la famille, как говорили. ...Он не был заискивающим ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он, как муха к свету, тянулся к наивысше поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения. Все увлечения детства и молодости прошли для него, не оставив больших следов; он отдавался и чувственности и тщеславию, и - под конец, в высших классах - либеральности, но все в известных пределах, которые верно указывало его чувство [14].

Стремление Ивана Ильича с детства попасть в высшие классы, усвоение их приемов и взглядов на жизнь предполагало и развитие особой чувствительности, а также либеральности, тщеславия и умения устанавливать дружеские связи. «Чувство» и «чувствительность» стали основными признаками целой эпохи и социальными «знаками» не только французской, русской, но и других европейских культур. Английская литература XVIII-XIX вв. также отражает эту особенность в названиях романов Джейн Остен “Разум и рассудительность”, “Гордость и предубеждение” и У. М. Теккерея «Ярмарка Тщеславия».

В другом отрывке рассказа Льва Толстого встречаем такие составляющие понятия «светскости», как цивилизованность, приятность и добропорядочность: «В служебных делах он был, несмотря на свою молодость и склонность к легкому веселью, чрезвычайно сдержан, официален и даже строг; но в общественных он был часто игрив и остроумен и всегда добродушен, приличен и bon enfant, как говорил про него его начальник и начальница, у которых он был домашним человеком.

Была в провинции и связь с одной из дам, навязавшейся щеголеватому правоведа; была и модистка; были и попойки с приезжими флигель-адъютантами и поездки в дальнюю улицу после ужина; было и подслуживанье начальнику и даже жене начальника, но все это носило на себе такой высокий тон порядочности, что все это не могло быть называемо дурными словами: все это подходило только под рубрику французского изречения: *el fait que jeumesse se passé*. Все происходило с чистыми руками, в чистых рубашках, с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с одобрением высоко стоящих людей» [Там же].

Прилагательные «игривый», «остроумный», «веселый» (легкое веселье), «приличный», «добрый малый» и «внешне порядочный» являются характерными атрибутами «светского» кода. Взгляды французского писателя Теофил-де-Вио (1590-1626), яркого представителя раннего либертинажа, или остроумия, проникли не только в английскую, но и русскую культуру, закрепив в них «остроумие» и «легкое веселье» как знаки социального отличия. В рассказе Л. Н. Толстого главным все же была видимость порядочности и «чистота», с которой грешили и кутили дворяне, а также «подслуживали» начальнику. Это «носило на себе такой высокий тон порядочности», что только французские слова больше всего соответствовали маскараду. Использование французского языка в приведенных цитатах сигнализирует о французской природе светскости, как в английской, так и русской речи. Лев Толстой хорошо знал дворянское общество изнутри и настолько хорошо, что, находясь на протяжении многих лет в поиске смысла жизни и путей самосовершенствования, он пришел к отречению от своего дворянского сословия. Отрицательное отношение русского дворянина к своему классу объясняется несоответствием дворянской культуры основному культурному коду эпохи в России. «...XIX век имеет дело с разрушенной традиционной системой жанров, с ненормативным стилем, индивидуально-творческим сознанием, с научно-эстетическим постижением реальности при настойчивых поисках путей сближения правды художественной и реальной. Пересматривается само значение литературного, интеллектуального авторитета и канона, подражание вытесняется воссозданием и анализом» [3, с. 23].

Как и во Франции, светские салоны были частью дворянской жизни России, о чем мы узнаем из произведений Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и других писателей. А также из дневников генеральши А. В. Богданович [1], хозяйки модного салона конца XIX в. (периода правления последних трех императоров - Александра II, Александра III и Николая II) и романов князя М. Н. Волконского [2].

Дворянское общество в России мастерски рисуется Л. Н. Толстым в следующем отрывке рассказа «Смерть Ивана Ильича»: «Перейдя в новый город на место судебного следователя, Иван Ильич... избрал лучший круг из судейских и богатых дворян, живших в городе, и принял тон легкого недовольства правительством, умеренной либеральности и цивилизованной гражданственности.... Жизнь Ивана Ильича в новом городе сложилась очень приятно: фрондирующее против губернатора общество было дружное и хорошее; жалованья было больше, и немалую приятность в жизни прибавил тогда вист, в который стал играть Иван Ильич, имевший способность играть в карты весело, быстро соображая и очень тонко, так что в общем он всегда был в выигрыше» [14].

Вся аристократическая жизнь, казалось, состояла из одних приятностей - это был лучший круг знатных и богатых дворян, у которых была мода выражать свою состоятельность, слегка критикуя правительство и становясь на позиции либерализма, и цивилизованную гражданственность. Это была игра в карты, очень популярная среди дворянства.

А социальный портрет генерала-поручика Андрея Силыча Вавилова, героя романа М. Н. Волконского, создается с помощью наречия «прекрасно», которое, казалось, скрывало всевозможные значения на все случаи жизни: «Он и здоровался и прощался, и когда рассказывал что-нибудь или выражал сочувствие или даже порицание, - неизменно повторял одно только «прекрасно», не придавая даже различных оттенков произношению, а усвоив себе раз навсегда одно какое-то общее произношение октавой вниз, которое можно было принимать как угодно: и за иронию, и за одобрение, и за насмешку, и вместе с тем за выражение полного удовольствия» [2, с. 241].

Образ английской аристократии очень напоминал только что описанный, он также был приятным, достойным и цивилизованным: “My object then,” replied Darcy, “was to show you, by every civility in my power, that I was not so mean as to resent the past; and I hoped to obtain your forgiveness, to lessen your ill-opinion, by letting you see that your reproaches had been attended to” [3, с. 94].

Первая треть XIX в., отразившаяся в романе Джейн Остен, отмечена расцветом романтизма как основного течения литературного процесса, культурного кода эпохи. «В основе романтизма лежит идеалистическое мировоззрение, развивавшееся преимущественно в направлении от субъективного идеализма к объективному. Романтики утверждали веру в господство духовного начала в жизни, подчинение материи духу» [5, с. 7]. Процветанию английской аристократии способствовало и правление королевы Виктории в Англии, которая в период своей власти значительно расширила границы британской империи и укрепила авторитет королевской короны.

Более явным проявлением французского влияния на английскую и русскую культуру является калькирование французского языка, всегда вызывающее впечатление неестественности и чужеродности и потому «лежащей на поверхности». И, конечно, непосредственное использование французского языка - от отдельных слов и фраз, которые выступали своеобразными социальными «знаками» принадлежности к высшим слоям общества, (вышеприведенные примеры отражают этот факт), до целых высказываний. Французский язык получил одинаковый статус языка дворянства в обеих странах, хотя его введение имеет разный исторический и политический подтекст. Став государственным языком и языком двора в период нормандского завоевания (XI в.), французский язык в Англии по сей день сохраняет престижность в силу его однажды приобретенного статуса. Он настолько прочно вошел в культуру Великобритании, что до сих пор служит официальным языком, которым обязаны владеть высшие классы общества. Анализ французских слов, употребляемых в XVIII-XIX вв., показал, что многие из них закрепили за собой статус *frml.* и используются либо в официальной обстановке, либо для выражения иронии. В Россию французский язык пришел вместе с реформами Петра I и был частью программы, направленной на европеизацию страны. «Стремясь преобразовать Россию в «регулярное» (т.е. «правильное») государство, Петр I слепо верил в спасительную силу правительственного насилия» [13, с. 33].

В сопоставительном исследовании речи русского дворянства и английской аристократии Ю. О. Квартовой делаются выводы о том, что в русской культуре французские вношения используются для обозначения членов семьи, в обращениях и этикетных формулах для характеристики качеств людей, а также для отражения реалий образа жизни дворянина и иронии говорящего [6, с. 17]. Использование французского языка в русском обществе не раз становилось объектом для высмеивания и критики, ибо в погоне за модой и социальным имиджем русские дворянки либо говорили на французском лучше, чем на русском, коверкали родной язык и таким образом демонстрировали социокультурный снобизм, либо использовали французский с местным выговором: «Радович взяла газету, повертела ее перед глазами, перелистала и протянула назад: - Без очков не вижу, прочтите сами, - сказала она. Она, бегло читая по-французски, разбирала по-русски почти по складам, но скрывала это» [2, с. 327].

Наблюдения Ю. М. Лотмана относительно структурных различий европейской и русской культур, дают объяснения имеющимся между двумя сравниваемыми культурами различиям в использовании двуязычия: «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [12, с. 89]. Антиномия русской культуры, противопоставляемая западноевропейской, имеющей помимо двух противоположностей и нейтральную сферу, «структурный резерв, из которого развивается система завтрашнего дня» создает такой «решительный отрыв от предшествующего». По мнению Ю. М. Лотмана, «новые исторические структуры в русской культуре неизменно включают в себя механизмы, воспроизводящие заново культуру прошлого» [Там же, с. 90].

Подытоживая сказанное, хотелось отметить, что светский код общения, созданный во Франции в эпоху Просвещения, явился воплощением человеческой мечты об идеале, красоте и гармонии, легкости и приятности в общении между людьми. Он был заимствован другими европейскими культурами, и в частности, Англией и Россией и закрепился как культурный код в иерархической структуре каждой из них. Смена эпох приводила к смене доминирующего кода эпохи, и как следствие к разной роли светского кода в системе культуры. Находясь в структуре культуры и занимая разное положение в ее иерархии, светский код меняет свою позицию и значимость на каждом конкретном временном отрезке. Меняющийся «преобладающий шифр» эпохи соответственно либо ослабляет, либо усиливает позиции светского кода. Он также способствует изменению его первоначального привилегированного аристократического статуса, превращая его в социально престижный код общения и высоко гуманистический образец, не обязательно подтверждаемый дворянским происхождением.

Этот универсальный светский код общения свойствен культуре европейских стран. Яркий представитель английского сентиментализма, Лоренс Стерн, в своем романе «Сентиментальное путешествие», в уста главного героя Йорика, путешествующего по Франции, вложил поистине ценное наблюдение: четкие отличительные признаки национальных характеров ярче проявляются в нелепых *miniatae*, чем в самых важных государственных делах, ибо великие люди всех национальностей говорят и ведут себя одинаково.

"I think I can see the precise and distinguishing marks of national character more in these nonsensical *minutiae*, than in the most important matters of state; where great men of all nations talk and stalk so much alike, that I would not give ninepence to chuse amongst them" [16, p. 390].

Список литературы

1. Богданович А. В. Три самодержца: дневники генеральши Богданович. М.: Вече, 2008. 478 с.
2. Волконский М. Н. Гамлет XVIII века: в 4 т. М.: Пресса, 1992. Т. 4. 336 с.
3. Ивушкина Т. А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы): дис. ... д. филол. н. М., 1998. 295 с.
4. Ивушкина Т. А., Крюков Д. В. Письма английской аристократии Викторианской эпохи: социолингвистические характеристики. Волгоград: Назарет-Партер, 2005. 170 с.
5. История зарубежной литературы XIX века / ред. Н. А. Соловьева. М., 1999. 559 с.
6. Квартовкина Ю. О. Речь английских и русских аристократов в произведениях художественной литературы XIX века: автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
7. Лотман Ю. М. Динамические механизмы семиотических систем // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 71-74.
8. Лотман Ю. М. Знаковый механизм культуры // Там же. С. 63-66.
9. Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Там же. С. 56-63.
10. Лотман Ю. М. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Там же. С. 74-87.
11. Лотман Ю. М. Механизм смуты // Там же. С. 33-47.
12. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей // Там же. С. 88-116.
13. Лотман Ю. М. Учебник по русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2001. 255 с.
14. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/Tolstoy_lew_nikolaewich/text_0136.shtml (дата обращения: 25 января 2010).
15. Craveri Benedetta. The age of conversation. N.Y.: Nyrb, 2006. 488 p.
16. Stern Lawrence. The sentimental journey through France and Italy by Mr. Yorick // Selected prose and letters. Moscow: Progress Publishers, 1981. P. 323-490.
17. The letters of Philip Dormer Stanhope, 4th Earl of Chesterfield: in 6 vol. / ed. Bonamy Dubrée. London: Eyre and Spottiswoode, 1932. Vol. 4. P. 1750-1751.